

ИСТОРИОГРАФИЯ

УДК 930.1(091)

**РОССИЙСКИЙ ПЛЕН 1914–1922 ГОДОВ В НОВЕЙШЕЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: КОНТЕКСТЫ,
КОНСТРУКТЫ, СТЕРЕОТИПЫ*****Н.В. Суржикова***Институт истории и археологии УрО РАН, 620990, г. Екатеринбург, ул. Ковалевской, 16
snvplus@mail.ru

Анализируются промежуточные итоги исследования современными отечественными авторами проблем российского плена 1914–1922 гг. Обозначается специфика новейшей отечественной историографии и доказывается, что ее особенности обусловлены прежде всего «провинциализацией» научного поиска и тяготением к «универсальному нарративу», рафинированием старых и формированием новых стереотипов. В этой связи, по мысли автора, главной задачей отечественной историографии российского плена 1914–1922 гг. в перспективе должно стать преодоление замкнутости и включение в процессы, актуальные для мирового интеллектуального рынка.

Ключевые слова: Первая мировая война, российский плен, военнопленные, новейшая отечественная историография, контексты, конструкции, стереотипы.

Новейшая отечественная историография российского плена 1914–1922 гг., появившаяся в 90-е гг. прошлого века, как и вся постсоветская историография, прежде всего обнаружила стремление дистанцироваться от своей предшественницы. При этом наконец-то вышедшая из тени Великого Октября ретроспективная проблематика не вызвала лавинообразного потока работ, равно как и потока однонаправленного. Интегрирующим фактором для него стала прежде всего «регионализация» плена, которая, правда, не привела к глубокому осмыслению его «местной» специфики. «Провинциализацию» научного поиска, демонстрирующую широчайшую географию размещения вражеских военнослужащих, сопровождали попытки контекстуализировать реалии плена в рамках сразу нескольких историй и подисторий, альтернативность которых позволяла надеяться на создание его альтернативных историографических образов.

Помимо диссертаций, монографий, статей и тезисов выступлений, в которых плен и пленные изучались, если можно так выразиться, ради собственно плена и пленных, был целый ряд работ, в которых эта проблематика оказалась сопряжена с историей миграций [Загороднюк, 1996, с. 94; Курцев, 2008, с. 82–92; Щеров, Миграционная политика..., 2000; Он же, 2001; Белова, 2007; Еремин, 2005; Кузьменко, 2010; Павлова, 2004; Хасин, 1999]. В этих работах пленные как вынужденные, недобровольные или принудительные мигранты рассматривались прежде всего в сравнении с беженцами. С апеллированием к опыту беженства отечественные историки, однако, явно переусердствовали, что отразила навязчивая экстраполяция характеристик этого явления на характеристики плена. И.П. Щеров, к примеру, пытаясь вмонтировать военные миграции в процессы маргинализации, совершенно не учел внутреннего характера названных процессов, «прицепив» к ним наряду с российскими беженцами и военнопленными еще и иностранцев, которым, прежде чем в самом деле скатиться вниз по социальной лестнице, для начала следовало на неё взобраться [Щеров, 2000]. Категоричное замечание О.В. Павловой по поводу того, что «как социально-демографическая группа пленные не оказали существенного влияния на структуру населения», будучи полностью лишены возможности такого влияния, олицетворяло другую крайность, присущую исследованиям плена как явления географо-переселенческого порядка [Павлова, 2004, с. 73–74]. Ограниченность миграционных трактовок плена, обусловленная ориентацией ретроспективных трактовок на усредненные среднестатистические показатели, стала, таким образом, еще более очевидна, обнаружив свою недостаточность этих трактовок для выявления степени воздействия плена на развитие российского общества как в краткосрочной, так и в среднесрочной перспективе.

Между тем в других исследованиях, имплицитно блокировавшихся вокруг темы мобилиза-

ции тыла, было предложено альтернативное миграционному прочтение плена [Букалова, 2005; Машикова, 2004; Меньщиков, 2001; Шишкина, 1999]. В соответствии с очевидной или неочевидной логикой работавших в этом направлении авторов плен во всем многообразии его проявлений стал серьезным вызовом довоенным институтам и системам (например, медицинского, продовольственного или жилищного обеспечения). Ретроспективно проверяя их на прочность посредством плена, отечественные историки, однако, сосредоточились прежде всего на том, чтобы показать его влияние на работу хозяйственных механизмов российских города и деревни. Неудивительно поэтому, что в основанных на мобилизационной платформе интерпретациях плена он превратился не более чем в источник трудовых ресурсов, а пленные – в обезличенный рабочий материал, что сблизило настоящую тематическую группу работ с «узкоспециальными» исследованиями проблемы трудового использования неприятельских военнослужащих [Гордеев, 2004, с. 7–13; Лямзаев, 2011, с. 29–34; Маркова, 2006, с. 48–52; Шевелева, 2008, с. 95–99]. Остается только сожалеть, что дальше оценок численности работавших пленных, формирования номенклатуры прибегших к их привлечению производств и констатации факта продуктивности или непродуктивности подневольного труда многие исследователи так и не продвинулись. Наиболее же популярным при этом остался далеко не самый «свежий» вывод о том, что возложенная на пленных миссия по спасению хозяйства страны из-за нехватки рабочих рук оказалась невыполнима [Меньщиков, 2001, с. 117–118; Хасин, 1999, с. 88; Шишкина, 1999, с. 56; Щеров, 2001, с. 73]. Вместе с тем показательно, что ни один из современных авторов даже не усомнился в рациональности размещения пленных иностранцев в глубоком тылу, равно как и в целесообразности их стремительной интеграции в процессы распределения и возобновления всяческих благ и услуг, «благодаря» чему легко считываемая с источников тема постоянного поиска в пространстве плена оптимальных схем организации потребления и производства осталась практически незамеченной отечественными историками.

В полной мере это относится и к группе работ, в которых тема плена в противовес мобилизационному дискурсу получила прежде всего управленческо-институциональную трактовку. Акцент при этом делался главным образом на развитии всяческих органов и служб, в связи с чем проблематика плена не совсем ожидаемо оказалась востребована даже в рамках истории органов местного самоуправления [Герасимова, 2002, с. 68–69, 102 и др.; Зигель, 2003, с. 77, 95; Нагорная, 1999, с. 85, 89, 156, 163, 170 и др.; Петровичева, 2003, с. 197–199, 269 и др.; Попов, 2005, с. 368, 377, 385]. Богатую палитру суждений объединил далеко не радужный посыл, в соответствии с которым вражеские военнопленные, создавшие наряду с беженцами «особую обстановку» во внутренних губерниях страны, рассматривались как носители преимущественно деструктивных тенденций. О.В. Чудаков, к примеру, показал, что пленники, став причиной непредвиденных расходов городских властей, переориентировали их на паллиативные хозяйственные решения, явно не способствовавшие гармоничному развитию местной инфраструктуры [Чудаков, 2002, с. 58–59, 89, 136, 158, 163–164 и др.; Герасимова, 2002, с. 102; Попов, 2005, с. 385; Никитин, 2007, с. 388]. Плен и пленные тем самым внесли свою лепту в изменение задач, характера, методов и объемов деятельности органов местного самоуправления, к концу 1917 г. *de facto* превратившихся в низовое звено оторванной от населения государственной власти [Герасимова, 2002, с. 174; Нагорная, 1999, с. 186; Попов, 2005, с. 417, 419].

Исследователи раннего советского опыта управления, основополагающим для которого было стремление к монополизации и централизации всех управленческих функций государством, также не оставили тематику плена и военнопленных без внимания [Гавриленков, 2002, с. 17–37; Засыпкин, 2008; Зубаров, 2006; Лахарева, 1998, с. 171–181; Щеров, Центропленбеж в России..., 2000]. Так случилось, что оно оказалось приковано главным образом к истории учрежденной большевиками в 1918 г. Центральной коллегии по делам пленных и беженцев, а также ее периферийных структур. Благодаря коллегии, как отметил, в частности, М.А. Засыпкин, в стране впервые возникла «централизованная сеть государственных специализированных миграционных аппаратов, со строгой иерархической подчиненностью как внутри РСФСР, так и на территории соседних Белорусской и Украинской советских республик» [Засыпкин, 2008, с. 103, 104, 195]. Что касается вопроса об эффективности функционирования названного «общегосударственного органа», то в новейшей литературе он пока не получил точного ответа. И.Е. Зубаров, к примеру, ограничился самой общей оценкой работы Центропленбежа (впоследствии Центроэвака), констатировав, что «несмотря на предпринимаемые коллегией усилия, ей так и не удалось до окончания своей деятельности решить все задачи,

которые возникали при работе с пленными и беженцами» [Зубаров, 2006, с. 212]. И.Е. Зубарову возразил А.П. Исаев, по мысли которого «механизм взаимодействия между различными управленческими структурами, несмотря на ряд сбоев, в целом работал успешно и высокоэффективно» [Исаев, 1998, с. 25]. Приведенные заключения, будучи полярными, лишь отчасти способствовали концептуализации представлений о деятельности Центропленбежа, а заодно и об управлении пленом и пленными вообще, оставляя этот вопрос открытым.

Настоящий пробел не восполнял работы, создатели которых категоризировали плен посредством его рассмотрения через призму истории российской благотворительности или истории формирования в России социально ответственного государства [Алехин, 2003; Гулидов, 2010; Рынков, 2008; Рязанский, 2006]. На фоне исследовательского бума, который история отечественной благотворительности пережила за пару последних десятилетий и в рамках которого военная благотворительность как финальный аккорд развития дореволюционной благотворительности практически обособилась в самостоятельную область изучения, попытка Д.В. Алехина «вписать» плен в практики общественного попечительства могла бы оказаться интересной, будь она действительно связана с «расколдовыванием» плена как особой гуманитарной проблемы, заботившей российское общество. Однако ни о какой благотворительности применительно к пленным иностранцам в исследовании Д.В. Алехина речи фактически не шло [Алехин, 2003, с. 217–228], что не только не позволило определить их место в актуальной для российского общества иерархии жертв войны или выявить специфические формы призрения пленников, но и вообще лишило настоящую претензию историизации плена искомого смысла. Толкование плена как площадки для проведения государством какой-то особой социальной работы, предложенное А.Ю. Гулидовым, также не стало убедительным, и не только потому, что квалифицировать эту работу как «продуманную» и «довольно успешную» автор безусловно поспешил [Гулидов, 2010, с. 217]. Сама по себе терминологическая разметка исследовательского поля, произведенная А.Ю. Гулидовым, оказалась, мягко говоря, не совсем корректной, с учетом того, что в планы центральных, региональных и местных властей России социальные реабилитация и интеграция обезоруженных вражеских военнослужащих, составляющие главную цель разных видов социальной работы, не входили [Суржикова, «Лишить», «заставить», «отобрать»..., 2012, с. 603–609].

Умножение контекстов, в которые отечественные специалисты попытались «завернуть» проблематику российского плена 1914–1922 гг., можно было бы продолжить. Но умножение это не является безусловно необходимым, поскольку в какие бы «наряды» отечественные историки не одевали плен и военнопленных, их образы не поражают воображение своей новизной. Больше того, не будет преувеличением сказать, что как в работах «рамочного» свойства, так и в исследованиях, авторы которых не изобрели для плена никаких особых «упаковок», его история постепенно стабилизировалась в пределах нарратива, ставшего практически универсальным. Действительно, право военнопленных, их численность, состав, размещение, обеспечение, труд, контакты с местным населением, участие в политическом процессе и, наконец, репатриация быстро превратились в схему, ставшую константной для посвященных плену и пленным больших и малых исследований и уныло воспроизводившуюся из диссертации в диссертацию, из статьи в статью. Исключением из этого правила, лишь подтверждающим его, явилась, пожалуй, только монография Т.Я. Иконниковой, противопоставившей типическим реалиям плена его ярко выраженную региональную специфику, детерминированную, в свою очередь, спецификой географического положения Дальнего Востока, его относительными применительно к Центральной России, Уралу и Сибири «экстерриториальностью» и пограничностью [Иконникова, 2004].

Все же прочие исследователи, стремясь соответствовать обозначенной ранее схеме, прежде всего пришли к далеко не оригинальному выводу о постоянных нарушениях выработанных на национальном и наднациональном уровне правовых норм [Васильева, 1997, с. 18, 91; Гергилева, Военнопленные Первой мировой..., с. 60, 64, 100–101; Зубаров, 2006, с. 69–70; Ниманов, 2009, с. 60, 81–82, 97; Остроухов, 2011, с. 33–35; Талатин, Военнопленные Первой мировой..., 2005, с. 124; Щеров, Миграционная политика..., 2000, с. 32]. В этой связи радуется, пожалуй, лишь то, что с азартом переписывая те или иные нормотворческие акты в разделах, посвященных размещению, обеспечению, труду и репатриации пленников, отечественные историки нашли место не только для рассказа о том, каким российский плен должен был быть в соответствии с утвержденными на различных уровнях регламентами, но и каким он оказался на самом деле. Вместе с тем в целом ряде

случаев это породило значительно больше вопросов, чем ответов. Требуящим дополнительных пояснений выглядит, к примеру, характерное для монографии И.П. Щерова мирное соседство пасторальных картин плена и далеко не радужных зарисовок лагерного быта [Щеров, Миграционная политика..., 2000, с. 45, 47, 49]. Попытка А.Н. Талапина увязать неизбывную для российского плена проблему дефицита вещевого довольствия с проблемой его клеймения, вошедшего в обиход в ответ на аналогичную дискриминационную меру в отношении русских военнопленных со стороны германских властей, обнаруживает неглубокое понимание автором как первой, так и второй проблемы [Талапин, Военнопленные Первой мировой..., 2005, с. 58]. Не достаточно обоснованной представляется и «сентенция» В.Д. Алехина, согласно которой «отсутствие должного контроля за военнопленными, неповиновение, откровенный саботаж, антигосударственная агитация населения с их стороны» требовали усиления репрессий против узников войны [Алехин, 2003, с. 223]. В равной степени это относится и к пассажиру И.Е. Зубарова о том, что «большинство пленных и беженцев (в основном выходцы из рабочих и крестьян) приняли идеи октябрьской революции» [Зубаров, 2006, с. 202, 211]. Явные противоречия содержит и исследование Э.С. Идрисовой, в котором на одной и той же странице встретились, в частности, два взаимоисключающих вывода: «...Города отказывались от услуг военнопленных, так как не могли гарантировать им содержание и охрану, соответствующие правилам... Тем не менее, городские власти не отказывались в дальнейшем от труда военнопленных» [Идрисова, 2008, с. 67]. Рассматривая проблему трудового использования пленных славян, А.И. Остроухов безусловно опрометчиво ограничил его область внутрелагерными и сельскохозяйственными работами, тогда как А.Ю. Гулидов столь же опрометчиво свел интеграцию вражеских военнослужащих в трудовые процессы к занятости городскими работами и мало понятными «работами социального характера» [Гулидов, 2010, с. 156; Остроухов, 2011, с. 74]. «Эффективность труда иностранных военнопленных в регионе на период первой мировой войны измерялась в километрах проложенных дорог и сотнях тысяч рублей... Использование труда военнопленных в годы первой мировой войны на российском Дальнем Востоке было экономически выгодным. Только за 1915 г. в сельском хозяйстве региона военнопленными было произведено работ на 300 тыс. рублей», — сообщила Е.Ю. Бондаренко, подменив экономические индексы, а именно показатели производительности труда, рублёво-километровым эквивалентом, явно недостаточным, как и любые другие абсолютные цифры, для описания экономики подневольного труда [Бондаренко, 2004, с. 174, 181].

Надо отметить, что всевозможные «квантитавные» параметры плена вообще не встретили у российских историков настоящей заинтересованности. Действительно, большинство авторов, вместо того чтобы озаботиться поиском тех или иных количественных характеристик плена, предпочли отгородиться от этой задачи замечаниями типа «... точное количество военнопленных, находившихся в России в рассматриваемый нами период, и их этнический состав точно установить не представляется возможным...», «назвать количество военнопленных, находившихся в пределах отдельного военного округа, а тем более губернии, можно лишь приблизительно», «...установить точный национальный состав пленных весьма сложно» и т.д. [Ниманов, 2009, С. 47; Остроухов, 2011, с. 53; Талапин, Военнопленные Первой мировой..., 2005, с. 33]. Как результат в оценках численности, состава, смертности, динамики трудоустройства, «революционных выступлений», репатриационного процесса и прочих «количеств» плена до сих пор доминируют цифры, актуализированные еще советскими исследователями.

Между тем претензия новейшей отечественной историографии на то, чтобы отмежеваться от советской школы изучения плена и не только плена, не осталась только претензией. Среди открытий последних лет следует назвать открытие такой «заповедной» доселе области плена, как социокультурная. В большинстве работ ее границы были отождествлены с границами взаимоотношений пленников и постоянного населения [Гергилева, Общественность Сибири..., 2006, с. 421–426; Кондратьев, Щербинин, 2009, с. 354–357; Ощепков, 2008, с. 22–28; Семенова, 2010, с. 107–110; Талапин, Попечительство..., 2005, с. 180–192], при том что тональность их контактов удостоилась асимметричных оценок. По мнению, С.В. Букаловой, А.И. Гергилевой, Ю.А. Иванова, М.С. Кищенко, А.Н. Талапина, И.П. Щерова и ряда других авторов, отношение «аборигенов» к неприятельским военнопленным было, как правило, лояльным, даже сочувственным [Букалова, 2005, с. 67; Иванов, 2000, с. 100–105; Кищенко, 2011, с. 23; Талапин, Попечительство..., 2005, с. 180–192; Щеров, 2001, с. 72]. Н.Н. Машкова уточнила, что «местное население осознавало необходимость их труда и не

проявляло по отношению к ним агрессии» именно в этой связи [Машикова, 2004, с. 122]. Н.В. Греков в то же время подчеркнул, что «расположением со стороны местных жителей» пользовались прежде всего пленники, отправленные в деревню [Греков, 1997, с. 180]. Е.Ю. Семенова, однако, подметила, что отношение к военнопленным со стороны горожан также «включало такие проявления, как сочувствие, сострадание, оказание помощи как людям, в результате войны попавшим в сложную ситуацию» [Семенова, 2010, с. 110]. Л.Г. Ощепков склонился к более сдержанной оценке, указывая на то, что «местные» приняли «пришельцев» сдержанно, но не враждебно [Ощепков, 2008, с. 28]. И.Е. Зубаров считал, что отношение обывателей к военнопленным было неоднозначным: «...к пленным австро-венгерской армии – дружеским, им оказывалась помощь продовольствием и жильем. К немцам же отношение было негативное и даже враждебное... Крестьяне смотрели на них как на врагов и отношения их к ним были сухие и недружелюбные» [Зубаров, 2006, с. 12, 85]. Между тем И.А. Еремин показал, что россияне «доброжелательно воспринимали пленных всех национальностей» без различия, тогда как М.С. Кищенко привел сведения, согласно которым немецкие и польские национальные общины на местах поддерживали военнопленных-соплеменников, стремясь «сохранить свою идентичность и национальную общность» [Еремин, 2005, с. 476, 499; Кищенко, 2011, с. 22].

В поисках наиболее нюансированного представления о контактах россиян с пленными иностранцами нельзя не отметить работу И.В. Рязанского, в которой, в частности, указывалось: «Сложно говорить об отношении к военнопленным со стороны местного населения. Этот аспект проблемы не поддается статистическому анализу, и точных цифр с указанием характера отношения к пленным здесь получить не удастся...» [Рязанский, 2006, с. 164, 165]. При этом для И.В. Рязанского и для большинства уже названных авторов ретроспективная проблема как-то сама собою превратилась в проблему отношений местного населения к отвоевавшимся иностранцам, тогда как последним было практически отказано в какой-либо активной позиции. За объектностью же пленных бесконечные попытки конкретизировать характер взаимодействий их и местного населения в эпитетах «хорошие – плохие» или «дружественные – враждебные» себя предсказуемо исчерпали. Ограниченность названных бинарных оппозиций, не вмещающих в себя множественные сценарии контактирования пленных и непленных, оказалась, очевидно, тем самым фактором, который заставил отечественных историков говорить о плене как опыте межкультурного обмена, проблеме гендерной истории или причине трансформаций массового сознания [Люкшин, 2002, с. 24–27; Он же, 2010, с. 723–740; Семенова, 2011, с. 475–479; Царева, 2012, с. 78–88; Щербинина, 2008, с. 36–42; Журбина, 2008]. При этом, правда, только Е.С. Царевой удалось описать плен как ресурс для межкультурного обогащения, который, в частности, позволил разнообразить концертно-театральную жизнь городов Сибири и развить профессиональную музыкальную культуру вообще [Царева, 2012, с. 85]. Д.И. Люкшин, сосредоточившись на проблеме вхождения пленных в структуры крестьянского мира, пришел к выводу о том, что они, с большим успехом противостоя «легендарной способности русской деревни адаптировать и поглощать чуждые культурные формы», тем не менее, не оставили заметных следов в русском общинном сознании или быту, и их «культуртрегерский» потенциал остался не востребуемым [Люкшин, 2010, с. 734–735]. Тем самым историк солидаризировался с Ю.А. Ивановым, по версии которого «с точки зрения общей оценки» говорить о заметной роли «немецкого» фактора в жизни русской провинции в годы войны не приходилось [Иванов, 2000, с. 103]. Работа же Ю.В. Щербининой стала скорее данью модной фразеологии, если учитывать тот факт, что проблема межкультурной коммуникации в пространстве плена оказалась подменена автором проблемой «сексуальных домогательств военнопленных к тамбовским женщинам» [Щербинина, 2008]. Касаясь той же темы – взаимоотношения полов, – Е.Ю. Семенова позиционировала плен как повод для «столкновения в условиях войны индивидуального и общественного мировоззрения», в рамках которого происходило наложение одних ценностей на другие и замещение одних другими [Семенова, 2011, с. 478–479].

Остаётся только сожалеть, что по-настоящему новаторские работы в силу немногочисленности так и не смогли сломить тенденцию стереотипного историописания российского плена 1914–1922 гг. – историописания в русле уже оформившихся рубрик. Вместе с тем «рубрикация» плена в соответствии с некоторой схемой в каком-то смысле была оправдана, она позволяла систематизировать результаты крупномасштабных архивных «раскопок», осуществленных как в центре, так и на периферии. Это, правда, стоило новейшей историографии плена радикального эмпиризма, в ко-

тором она пребывает и по прошествии двух десятилетий. Есть, однако, надежда, что проблема изобавления относительно молодой традиции изучения российского плена 1914–1922 гг. от этой «детской» болезни по мере взросления новейшей отечественной историографии счастливо разрешится. Хотелось бы, чтобы в ходе этого процесса другой недуг, постигший постсоветскую историографию плена, а именно консервация старых и формирование новых негибких стереотипов, сопровождающиеся минимизацией какой бы то ни было полемики, также был побеждён. Очевидно, что вдохнуть жизнь в уже сложившуюся схему прочтения плена мешает застарелый миф о привилегированном положении оказавшихся в России пленных славян [Васильева, 1997, с. 103–104; Идрисова, 2006, с. 162–168, 2008, с. 29; Алёхин, 2003, с. 226–227; Безруков, 2001, с. 89, 90 и др.; Белова, 2007, с. 135–136; Бондаренко, 2004, с. 180; Гергилева, Военнопленные Первой мировой..., 2006, с. 76, 93 и др.; Гулидов, 2010, с. 152; Еремин, 2005, с. 488–491; Зубаров, 2006, с. 72; Ниманов, 2009, с. 94; Остроухов, 2011, с. 64–66; Талапин, 2003, с. 128–134; Чудаков, 2002, с. 97], на самом деле превратившийся в инструмент политико-идеологических манипуляций [Суржикова, Российский плен..., 2012, с. 247–266]. Безусловно, требует деконструкции и сомнительное сравнение благополучного российского плена с его «бесчеловечными» или как минимум «невыносимыми» германским и австрийским аналогами [Идрисова, 2008, с. 51; Бондаренко, 2004, с. 203; Васильева, 1997, с. 31, 43–44, 64–67; Гергилева, Военнопленные Первой мировой..., 2006, с. 90; Журбина, 2008, с. 133–134; Машикова, 2004, с. 125; Ниманов, 2009, с. 67; Солнцева, 2000, с. 100–101; Щеров, Миграционная политика, 2000, с. 33–34], почерпнутое современными историками в советской литературе [Зверства немцев..., 1943; Марков, 1941], основанной в свою очередь на некритичном использовании материалов Чрезвычайной следственной комиссии по расследованию нарушений законов и обычаев войны австро-венгерскими и германскими войсками [Резанов, 1914; Эгерт, 1914].

Как представляется, более сбалансированному изучению российского плена 1914–1922 гг. должна способствовать прежде всего апелляция к исследовательскому опыту зарубежных авторов [Davis, 1982, p. 37–49; Idem., 1983, p. 163–197; Leidinger, Moritz, 2008; Nachtigal, 2001; Idem., 2003; Overmans, 1999; Rachamimov, 2002; Rossi, 1997; Wurzer, 2005; Yanikdag, 1999, p. 69–85]. Пока же выключенные из наднационального историографического дискурса российские историки так и не вышли на кардинально иной даже в сравнении с уровнем советских историков уровень изучения тематики плена, в целом ряде случаев так и не преодолев границ занимательного краеведения. Вместе с тем сообразно небезызвестной максиме *principium dimidium totius* следует признать, что главный шаг на пути изучения российского плена 1914–1922 гг. уже сделан, и его превращение из «сателлитного» объекта исследования в самостоятельный не только неизбежно приведет к приращению корпуса введенных в научный оборот источников и актуализации новых фактов, но и послужит обновлению концептов и конструкторов историописания как такового.

Библиографический список

- Алёхин Д.В. Городское население Тамбовской губернии и Первая мировая война: июль 1914 — февраль 1917 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2003.
- Безруков Д.А. Система управления военнопленными и использование их труда в Новгородской губернии 1914–1918 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Великий Новгород, 2001.
- Белова И.Б. Первая мировая война и российская провинция: 1914 – февраль 1917 гг.: по материалам Калужской и Орловской губерний: дисс. ... канд. ист. наук. Калуга, 2007.
- Бондаренко Е.Ю. Иностранцы военнопленные на Дальнем Востоке России: 1914–1956 гг.: дисс. ... докт. ист. наук. Владивосток, 2004.
- Букалова С.В. Орловская губерния в годы Первой мировой войны: социально-экономические, организационно-управленческие и общественно-политические аспекты: дисс. ... канд. ист. наук. Орел, 2005.
- Васильева С.Н. Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны: учеб. пособие к спецкурсу. М., 1997.
- Гавриленков А.Ф. Рославльский уездный Пленбеж (1918–1922 гг.) // Край Смоленский: Знания. Доброта. Культура. Смоленск, 2002.
- Герасимова Н.В. Земское самоуправление в 1914–1918 гг. на территории Чувашии: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2002.

- Гергилева А.И.* Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири: дисс. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2006.
- Гергилева А.И.* Общественность Сибири и отношение к военнопленным Первой мировой войны // Вестн. Краснояр. гос. аграр. ун-та. 2006. Вып. 12.
- Гордеев О.Ф.* Использование труда военнопленных в Енисейской губернии в годы Первой мировой войны: аспекты международного права // Красноярский край: история в документах. Красноярск, 2004.
- Греков Н.В.* Германские и австрийские пленные в Сибири (1914–1917) // Немцы. Россия. Сибирь: сб. статей. Омск, 1997.
- Гулидов А.Ю.* Общественно-политическая жизнь российской провинции в годы Первой мировой войны: дисс. ... канд. ист. наук. Шуя, 2010.
- Еремин И.А.* Западносибирский тыл России в годы Первой мировой войны: июль 1914 — март 1918 гг.: дисс. ... докт. ист. наук. Барнаул, 2005.
- Журбина Н.Е.* Эволюция массового сознания солдат и офицеров германской армии в период Первой мировой войны 1914–1918 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2008.
- Загороднюк Н.И.* Депортация населения в годы Первой мировой войны // Ежегодн. Тюменского обл. краеведческого музея. 1996. Тюмень, 1998.
- Засыпкин М.А.* Организационно-правовые основы деятельности НКВД РСФСР по решению проблемы беженцев: 1918–1923 гг.: дисс. ... канд. юр. наук. М., 2008.
- Зверства немцев в войну 1914–1918 гг. (из документов первой мировой войны). Л., 1943.
- Зигель И.А.* Деятельность Новгородской губернской администрации и органов местного самоуправления в годы Первой мировой войны: дисс. ... канд. ист. наук. Великий Новгород, 2003.
- Зубаров И.Е.* Деятельность коллегии по делам военнопленных и беженцев Симбирской губернии в 1914–1922 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Пенза, 2006.
- Иванов Ю.А.* Военнопленные Первой мировой в российской провинции // Отеч. архивы. 2000. № 2.
- Идрисова Э.С.* Военнопленные славянских национальностей в годы Первой мировой войны в России // Вестн. Оренбург. ун-та. Спецвып. «Наука и образование: проблемы и перспективы». 2006. № 11, ч. 1.
- Идрисова Э.С.* Иностранные военнопленные Первой мировой войны на Южном Урале в 1914–1922 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2008.
- Иконникова Т.Я.* Военнопленные Первой мировой войны на Дальнем Востоке России (1914–1918 гг.). Хабаровск, 2004.
- Исаев А.П.* Российские органы управления и военнопленные противника: вопросы взаимоотношений (1917–1922): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1998.
- Кищенко М.С.* Европейские диаспоры в Ярославской губернии (конец XIX в. — 1917 г.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2011.
- Кондратьев А.В., Щербинин П.П.* Военнопленные и провинциальное общество Российской империи в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. Тамбов, 2009.
- Кузьменко А.С.* Недобровольные мигранты в Восточной Сибири в 1914 — феврале 1917 гг.: на примере Енисейской и Иркутской губерний: дисс. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2010.
- Курцев А.Н.* Историческая социомобильность и многообразие миграций населения Центрального Черноземья в 1861–1917 гг. // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: История России. 2008. № 3(13).
- Лахарева Н.В.* Государственный аппарат Советской России по эвакуации населения в 1918–1923 гг. // Государственный аппарат России в годы революции и гражданской войны: материалы всерос. конф. М., 1998.
- Люкин Д.* Да за нашими бабами выются: Военнопленные в крестьянской России // Родина. 2002. № 10.
- Люкин Д.* Немецкие военнопленные в крестьянской России: особенности межкультурного опыта // Оболение властью. Русские и немцы в Первой и Второй мировых войнах. М., 2010. Т. 1.

- Лямзаев С.В. Участие военнопленных Германии и Австро-Венгрии в модернизации речной инфраструктуры Нижнего Дона (1914–1918 гг.) // Изв. высших учеб. заведений. Северо-Кавказский регион. Сер.: Общественные науки. 2011. № 4.
- Марков С. Зверства немцев в первую мировую войну. М., 1941.
- Маркова В.А. Использование труда военнопленных и меннонитов в работе Самарского управления государственных имуществ в годы Первой мировой войны // Изв. Самар. науч. центра РАН. Спец. вып. «Актуальные проблемы истории и археологии». Самара, 2006.
- Машикова Н.Н. Мобилизация людских и материальных ресурсов на Южном Урале в условиях войны (1914–1917 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2004.
- Меньщиков В.Н. Экономическое и социокультурное развитие Тобольской губернии в период Первой мировой войны: дисс. ... канд. ист. наук. Омск, 2001.
- Нагорная М.С. Земское самоуправление на Южном Урале накануне и в годы Первой мировой войны: 1913 — февраль 1917 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Курган, 1999.
- Никитин А.Н. Государственность «белой» России: становление, эволюция, крушение (1918–1920 гг.): дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2007.
- Ниманов Б.И. Особенности и основные факторы содержания и хозяйственной деятельности военнопленных в 1914–1917 годах в Поволжье: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2009.
- Остроухов А.И. Военнопленные чехи и словаки в России периода Первой мировой войны: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2011.
- Ощепков Л. Чужие среди чужих: Взаимоотношения военнопленных и населения Пермской губернии в годы Первой мировой войны // Ретроспектива: Перм. ист.-архив. журн. 2008. № 6(11).
- Павлова О.В. Миграции населения на Урале в 1914–1939 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2004.
- Петровичева Е.М. Земское самоуправление в Центральной России в 1906–1918 гг.: эволюция на последних этапах деятельности: дисс. ... докт. ист. наук. М., 2003.
- Попов П.А. Городское самоуправление Воронежа: 1870–1918 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2005.
- Резанов А.С. Исследования немецких зверств. Пг., 1914.
- Рышков В.М. Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России (вторая половина 1918–1919 г.). Новосибирск, 2008.
- Рязанский И.В. Тыловая российская провинция в условиях Первой мировой войны: Южный Урал в июле 1914 — феврале 1917 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2006.
- Семенова Е.Ю. Военнопленные как фактор формирования городской среды Поволжья в годы Первой мировой войны // Альманах совр. науки и образования. 2010. № 1–2.
- Семенова Е.Ю. Межличностные контакты женщин поволжского города с военнопленными в период Первой мировой войны: столкновение индивида с коллективной психологической установкой // Частное и общественное: Гендерный аспект. Ярославль, 2011. Т. 1.
- Солнцева С.А. Военный плен в годы Первой мировой войны (новые факты) // Вопр. истории. 2000. № 4–5.
- Суржикова Н.В. «Лишить», «заставить», «отобрать»: Практики принуждения и насилия в пространстве российского плена 1914–1917 гг. // Мобилизационная модель экономики: ист. опыт России XX века. Челябинск, 2012.
- Суржикова Н.В. Российский плен 1914–1917 гг. как пространство политико-идеологических манипуляций: теории центра и практики периферии // Cahiers du Monde russe. 2012. 53/1.
- Талапин А.Н. Военнопленные Первой мировой войны на территории Западной Сибири: Июль 1914 — май 1918 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Омск, 2005.
- Талапин А.Н. Военнопленные славяне на территории Омского военного округа (1914–1917 гг.) // Актуальные проблемы гуманитар. наук: межвуз. сб. науч. тр. Омск, 2003.
- Талапин А.Н. Попечительство как проявление отношения населения Западной Сибири к иностранным военнопленным (1914 — февраль 1917 гг.) // Актуальные проблемы отечественной истории XVI — начала XX вв.: межвуз. сб. науч. тр. Омск, 2005. Вып. 2.
- Хасин В.В. Миграционные процессы в Российской империи в Первую мировую войну (по документам Нижнего Поволжья): дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 1999.

- Царева Е.С.* Военнопленные Первой мировой войны в музыкальной жизни Сибири // Южно-Российский муз. альманах. 2012. № 1.
- Чудаков О.В.* Городское самоуправление в Западной Сибири в годы Первой мировой войны (июль 1914 — февраль 1917 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. Омск, 2002.
- Шевелева О.В.* Применение труда военнопленных и беженцев в сельском хозяйстве в годы I Мировой войны (по материалам Тульской губернии) // Науч. ведомости Белгород. гос. ун-та. Сер.: История. Политология. Экономика. Информатика. 2008. Т. 6. № 2.
- Шишкина С.Ю.* Тобольская губерния в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. Тюмень, 1999.
- Щербинина Ю.В.* Военнопленные в Тамбовской губернии в XIX — начале XX в.: вопросы межкультурной коммуникации // Советский плен глазами узников Моршанского концлагеря 1940-х гг. Тамбов, 2008.
- Щеров И.П.* Военная миграция в России, 1914–1922 гг.: дисс. ... докт. ист. наук. М., 2001.
- Щеров И.П.* Миграционная политика в России 1914–1922 гг. Смоленск, 2000.
- Щеров И.П.* Центропленбеж в России: история создания и деятельности в 1918–1922 гг. Смоленск, 2000.
- Эгерт В.П. фон.* Чрезвычайная следственная комиссия о преступных действиях неприятеля в войну 1914 г. Пг., 1914.
- Davis G.* Deutsche Kriegsgefangene im Ersten Weltkrieg in Rußland // Militärgeschichtliche Mitteilungen (Freiburg). 1982. Bd. 31.
- Davis G.* The Life of Prisoners of War in Russia, 1914–1921 // Essays on World War I: Origins and Prisoners of War. New York, 1983. S. 163–197.
- Leidinger H., Moritz V.* Gefangen in Russland. Österreichische Kriegsgefangene in Russland 1914–1920. Viena, 2008.
- Nachtigal R.* Die Murmanbahn. Die Verkehrsanbindung eines kriegswichtigen Hafens und das Arbeitspotential der Kriegsgefangenen (1915 bis 1918). Grunbach, 2001.
- Nachtigal R.* Russland und seine österreichisch-ungarischen Kriegsgefangenen 1914–1918. Remshalden, 2003.
- Overmans R.* In der Hand des Feindes. Kriegsgefangenschaft von der Antike bis zum Zweiten Weltkrieg. Köln, 1999.
- Rachamimov A.* POWs and the Great War: Captivity on the Eastern Front. Oxford, 2002.
- Rossi M.* I prigionieri dello Zar: Soldati italiani dell'esercito austroungarico nei lager della Russia (1914–1918). Milano, 1997.
- Wurzer G.* Die Kriegsgefangenen der Mittelmächte in Rußland im Ersten Weltkrieg. Göttingen, 2005.
- Yanikdag Y.* Ottoman prisoners of war in Russia, 1914–22 // Journ. of contemporary history. 1999. Vol. 34, № 1.

Дата поступления рукописи в редакцию 15.07.2013

RUSSIAN CAPTIVITY OF 1914-1922 IN THE NEWEST RUSSIAN HISTORIOGRAPHY: CONTEXTS, CONSTRUCTS, STEREOTYPES

N.V. Surzhikova

Institute of History and Archaeology, Ural branch of Russian Academy of Sciences, Kovalevskoy str., 16, 620990, Yekaterinburg, Russia
snvplus@mail.ru

The article analyzes the intermediate results of contemporary Russian studies of the phenomenon of Russian captivity in 1914-1922. The author argues that the newest national historiography of the captivity, emerged in the 1990s, like all post-Soviet historiography has revealed the tendency to distance itself from its predecessors. However, Russian historians have failed to achieve this goal. «Provincialization» of research and gravitation towards «universal narrative», refinement of old stereotypes and formation of new ones, as well as predominantly empirical nature of the latest works, prevented the newest historiography from qualitative upgrade. Whereas Russian captivity of 1914–1922 has already lost «satellite» status and been turned into an independent object of exploration, its studies often fail to overstep the limits of entertaining local history (*kraevedenie*). But at the same time, the efforts of broad contextualization of captivity as well as of hierarchization of its intrinsic institutions and practices, have just strengthened stere-

otype notions without provoking full-fledged debates among Russian historians. In this connection, the main task for the national historiography of the 1914-1922 captivity in the long term should be the overcoming of its isolation and including into the processes relevant to the global intellectual market.

Key words: World War I, Russian captivity, prisoners of war, the newest Russian historiography, contexts, constructs, stereotypes.

References

- Alekhin D.V.* Gorodskoe naselenie Tambovskoy gubernii i Pervaya mirovaya voyna: iyul' 1914 – fevral' 1917 gg.: diss. ... kand. ist. nauk. Tambov, 2003.
- Bezrukov D.A.* Sistema upravleniya voennoplennymi i ispol'zovanie ikh truda v Novgorodskoy gubernii 1914–1918 gg.: diss. ... kand. ist. nauk. Velikiy Novgorod, 2001.
- Belova I.B.* Pervaya mirovaya voyna i rossiyskaya provintsiya: 1914 – fevral' 1917 gg.: po materialam Kaluzhskoy i Orlovskoy guberniy: diss. ... kand. ist. nauk. Kaluga, 2007.
- Bondarenko E.Yu.* Inostrannye voennoplennye na Dal'nem Vostoke Rossii: 1914–1956 gg.: diss. ... dokt. ist. nauk. Vladivostok, 2004.
- Bukalova S.V.* Orlovskaya guberniya v gody Pervoy mirovoy voyny: sotsial'no-ekonomicheskie, organizatsionno-upravlencheskie i obshchestvenno-politicheskie aspekty: diss. ... kand. ist. nauk. Orel, 2005.
- Vasil'eva S.N.* Voennoplennye Germanii, Avstro-Vengrii i Rossii v gody Pervoy mirovoy voyny: ucheb. posobie k spetskursu. M., 1997.
- Gavrilenkov A.F.* Roslavl'skiy uездnyy Plenbezh (1918–1922 gg.) // Kray Smolenskiy: Znaniya. Dobrota. Kul'tura. Smolensk, 2002.
- Gerasimova N.V.* Zemskoe samoupravlenie v 1914–1918 gg. na territorii Chuvashii: diss. ... kand. ist. nauk. M., 2002.
- Gergileva A.I.* Voennoplennye Pervoy mirovoy voyny na territorii Sibiri: diss. ... kand. ist. nauk. Krasnoyarsk, 2006.
- Gergileva A.I.* Obshchestvennost' Sibiri i otnoshenie k voennoplennym Pervoy mirovoy voyny // Vestn. Krasnoyarsk. gos. agrar. un-ta. 2006. Vyp. 12.
- Gordeev O.F.* Ispol'zovanie truda voennoplennykh v Eniseyskoy gubernii v gody Pervoy mirovoy voyny: aspekty mezhdunarodnogo prava // Krasnoyarskiy kray: istoriya v dokumentakh. Krasnoyarsk, 2004.
- Grekov N.V.* Germanskie i avstriyskie plennye v Sibiri (1914–1917) // Nemtsy. Rossiya. Sibir': sb. statey. Omsk, 1997.
- Gulidov A.Yu.* Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' rossiyskoy provintsii v gody Pervoy mirovoy voyny: diss. ... kand. ist. nauk. Shuya, 2010.
- Eremin I.A.* Zapadnosibirskiy tyl Rossii v gody Pervoy mirovoy voyny: iyul' 1914 – mart 1918 gg.: diss. ... dokt. ist. nauk. Barnaul, 2005.
- Zhurbina N.E.* Evolyutsiya massovogo soznaniya soldat i ofitserov germanskoy armii v period Pervoy mirovoy voyny 1914–1918 gg.: dis ... kand. ist. nauk. Voronezh, 2008.
- Zagorodnyuk N.I.* Deportatsiya naseleniya v gody Pervoy mirovoy voyny // Ezhegodn. Tyumenskogo obl. kraevedcheskogo muzeya. 1996. Tyumen', 1998.
- Zasyupkin M.A.* Organizatsionno-pravovye osnovy deyatelnosti NKVD RSFSR po resheniyu problemy bezhentsev: 1918–1923 gg.: diss. ... kand. jur. nauk. M., 2008.
- Zverstva nemtsev v voynu 1914–1918 gg. (iz dokumentov pervoy mirovoy voyny).* L., 1943.
- Zigel' I.A.* Deyatel'nost' Novgorodskoy gubernskoy administratsii i organov mestnogo samoupravleniya v gody Pervoy mirovoy voyny: diss. ... kand. ist. nauk. Velikiy Novgorod, 2003.
- Zubarov I.E.* Deyatel'nost' kollegii po delam voennoplennykh i bezhentsev Simbirskoy gubernii v 1914–1922 gg.: diss. ... kand. ist. nauk. Penza, 2006.
- Ivanov Yu.A.* Voennoplennye Pervoy mirovoy v rossiyskoy provintsii // Otech. arkhivy. 2000. № 2.
- Idrisova E.S.* Voennoplennye slavyanskikh natsional'nostey v gody Pervoy mirovoy voyny v Rossii // Vestn. Orenburg. un-ta. Spetsvyp. «Nauka i obrazovanie: problemy i perspektivy». 2006. № 11, ch. 1.
- Idrisova E.S.* Inostrannye voennoplennye Pervoy mirovoy voyny na Yuzhnom Urale v 1914–1922 gg.: diss. ... kand. ist. nauk. Orenburg, 2008.
- Ikonnikova T.Ya.* Voennoplennye Pervoy mirovoy voyny na Dal'nem Vostoke Rossii (1914–1918 gg.). Khabarovsk, 2004.
- Isaev A.P.* Rossiyskie organy upravleniya i voennoplennye protivnika: voprosy vzaimootnosheniy (1917–1922): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. SPb., 1998.
- Kishchenkov M.S.* Evropeyskie diaspory v Yaroslavskoy gubernii (konets XIX v. — 1917 g.): avto-ref. diss. ... kand. ist. nauk. Yaroslavl', 2011.
- Kondrat'ev A.V., Shcherbinin P.P.* Voennoplennye i provintsial'noe obshchestvo Rossiyskoy imperii v period Pervoy mirovoy voyny 1914–1918 gg. // Vestn. Tambov. un-ta. Ser.: Gumanit. nauki. Tambov, 2009.

- Kuz'menko A.S.* Nedobrovol'nye migranty v Vostochnoy Sibiri v 1914 — fevrale 1917 gg.: na primere Eniseyskoy i Irkutskoy guberniy: diss. ... kand. ist. nauk. Ulan-Ude, 2010.
- Kurtsev A.N.* Istoricheskaya sotsiomobil'nost' i mnogoobrazie migratsiy naseleniya Tsentral'nogo Chernozem'ya v 1861–1917 gg. // Vestn. Rossiyskogo un-ta družby narodov. Ser.: Istoriya Rossii. 2008. № 3(13).
- Lakhareva N.V.* Gosudarstvennyy apparat Sovetskoy Rossii po evakuatsii naseleniya v 1918–1923 gg. // Gosudarstvennyy apparat Rossii v gody revolyutsii i grazhdanskoy voyny: mater. vseros. konf. M., 1998.
- Lyukshin D.* Da za nashimi babami v'yutsya: Voennoplennye v krest'yanskoy Rossii // Rodina. 2002. № 10.
- Lyukshin D.* Nemetskie voennoplennye v krest'yanskoy Rossii: osobennosti mezhkul'turnogo opyta // Obol'shchenie vlast'yu. Russkie i nemtsy v Pervoy i Vtoroy mirovykh voynakh. M., 2010. T. 1.
- Lyamzaev S.V.* Uchastie voennoplennykh Germanii i Avstro-Vengrii v modernizatsii rechnoy infrastruktury Nizhnego Dona (1914–1918 gg.) // Izv. vysshikh ucheb. zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region. Ser.: Obshchestvennyye nauki. 2011. № 4.
- Markov S.* Zverstva nemtsev v pervuyu mirovuyu voynu. M., 1941.
- Markova V.A.* Ispol'zovanie truda voennoplennykh i mennonitov v rabote Samarskogo upravleniya gosudarstvennykh imushchestv v gody Pervoy mirovoy voyny // Izv. Samar. nauch. tsentra RAN. Spets. vyp. «Aktual'nye problemy istorii i arkhologii». Samara, 2006.
- Mashkova N.N.* Mobilizatsiya lyudskikh i material'nykh resursov na Yuzhnom Urale v usloviyakh voyny (1914–1917 gg.): diss. ... kand. ist. nauk. Orenburg, 2004.
- Men'shchikov V.N.* Ekonomicheskoe i sotsiokul'turnoe razvitiye Tobol'skoy gubernii v period Pervoy mirovoy voyny: diss. ... kand. ist. nauk. Omsk, 2001.
- Nagornaya M.S.* Zemskoe samoupravlenie na Yuzhnom Urale nakanune i v gody Pervoy mirovoy voyny: 1913 – fevral' 1917 gg.: diss. ... kand. ist. nauk. Kurgan, 1999.
- Nikitin A.N.* Gosudarstvennost' «beloy» Rossii: stanovlenie, evolyutsiya, krushenie (1918–1920 gg.): diss. ... dokt.yurid.nauk. M., 2007.
- Nimanov B.I.* Osobennosti i osnovnye faktory sodержaniya i khozyaystvennoy deyatel'nosti voennoplennykh v 1914–1917 godakh v Povolzh'e: diss. ... kand. ist. nauk. M., 2009.
- Ostroukhov A.I.* Voennoplennye chekhi i slovaki v Rossii perioda Pervoy mirovoy voyny: diss. ... kand. ist. nauk. M., 2011.
- Oshchepkov L.* Chuzhie sredi chuzhikh: Vzaimootnosheniya voennoplennykh i naseleniya Permskoy gubernii v gody Pervoy mirovoy voyny // Retrospektiva: Perm. ist.-arkhiv. zhurn. 2008. № 6(11).
- Pavlova O.V.* Migratsii naseleniya na Urale v 1914–1939 gg.: diss. ... kand. ist. nauk. Ekaterinburg, 2004.
- Petrovicheva E.M.* Zemskoe samoupravlenie v Tsentral'noy Rossii v 1906–1918 gg.: evolyutsiya na poslednikh etapakh deyatel'nosti: diss. ... dokt. ist. nauk. M., 2003.
- Popov P.A.* Gorodskoe samoupravlenie Voronezha: 1870–1918 gg.: diss. ... kand. ist. nauk. Voronezh, 2005.
- Rezanov A.S.* Issledovaniya nemetskikh zverstv. Pg., 1914.
- Rynkov V.M.* Sotsial'naya politika antibol'shevistskikh rezhimov na vostoке Rossii (vtoraya polovina 1918–1919 g.). Novosibirsk, 2008.
- Ryazanskiy I.V.* Tylovaya rossiyskaya provintsiya v usloviyakh Pervoy mirovoy voyny: Yuzhnyy Ural v iyule 1914 – fevrale 1917 gg.: diss. ... kand. ist. nauk. Chelyabinsk, 2006.
- Semenova E.Yu.* Voennoplennye kak faktor formirovaniya gorodskoy srede Povolzh'ya v gody Pervoy mirovoy voyny // Al'manakh sovr. nauki i obrazovaniya. 2010. № 1–2.
- Semenova E.Yu.* Mezhluchnostnye kontakty zhenshchin povolzhskogo goroda s voennoplennymi v period Pervoy mirovoy voyny: stolknovenie individa s kollektivnoy psikhologicheskoy ustanovkoy // Chastnoe i obshchestvennoe: Gendernyy aspekt. Yaroslavl', 2011. T. 1.
- Solntseva S.A.* Voennyy plen v gody Pervoy mirovoy voyny (novye fakty) // Vopr. istorii. 2000. № 4–5.
- Surzhikova N.V.* «Lishit'», «zastavit'», «otobrat'»: Praktiki prinuzhdeniya i nasiliya v prostranstve rossiyskogo plena 1914–1917 gg. // Mobilizatsionnaya model' ekonomiki: ist. opyt Rossii KhKh veka. Chelyabinsk, 2012.
- Surzhikova N.V.* Rossiyskiy plen 1914–1917 gg. kak prostranstvo politiko-ideologicheskikh manipulyatsiy: teorii tsentra i praktiki periferii // Cahiers du Monde russe. 2012. 53/1.
- Talpin A.N.* Voennoplennye Pervoy mirovoy voyny na territorii Zapadnoy Sibiri: Iyul' 1914 – may 1918 gg.: diss. ... kand. ist. nauk. Omsk, 2005.
- Talpin A.N.* Voennoplennye slavyane na territorii Omskogo voennogo okruga (1914–1917 gg.) // Aktual'nye problemy gumanit. nauk: mezhvuz. sb. nauch. tr. Omsk, 2003.
- Talpin A.N.* Popechitel'stvo kak proyavlenie otnosheniya naseleniya Zapadnoy Sibiri k inostrannym voennoplennym (1914 – fevral' 1917 gg.) // Aktual'nye problemy otechestvennoy istorii XVI – nachala XX vv.: Mezhvuz. sb. nauch. tr. Omsk, 2005. Vyp. 2.
- Khasin V.V.* Migratsionnye protsessy v Rossiyskoy imperii v Pervuyu mirovuyu voynu (po dokumentam Nizhnego Povolzh'ya): diss. ... kand. ist. nauk. Saratov, 1999.
- Tsareva E.S.* Voennoplennye Pervoy mirovoy voyny v muzykal'noy zhizni Sibiri // Yuzhno-Rossiyskiy muz. al'manakh. 2012. № 1.

- Chudakov O.V.* Gorodskoe samoupravlenie v Zapadnoy Sibiri v gody Pervoy mirovoy voyny (iyul' 1914 – fevral' 1917 gg.): diss. ... kand. ist. nauk. Omsk, 2002.
- Sheveleva O.V.* Primenenie truda voennoplennykh i bezhentsev v sel'skom khozyaystve v gody I Mirovoy voyny (po materialam Tul'skoy gubernii) // Nauch. vedomosti Belgorod. gos. un-ta. Ser.: Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika. 2008. T. 6. № 2.
- Shishkina S.Yu.* Tobol'skaya guberniya v gody Pervoy mirovoy voyny (1914 – fevral' 1917 gg.): diss. ... kand. ist. nauk. Tyumen', 1999.
- Shcherbinina Yu.V.* Voennoplennyye v Tambovskoy gubernii v XIX — nachale XX v.: voprosy mezhkul'turnoy kommunikatsii // Sovetskiy plen glazami uznikov Morshanskogo kontslagerya 1940-kh gg. Tambov, 2008.
- Shcherov I.P.* Voennaya migratsiya v Rossii, 1914–1922 gg.: diss. ... dokt. ist. nauk. M., 2001.
- Shcherov I.P.* Migratsionnaya politika v Rossii 1914–1922 gg. Smolensk, 2000.
- Shcherov I.P.* Tsentroplenbez v Rossii: istoriya sozdaniya i deyatel'nosti v 1918–1922 gg. Smolensk, 2000.
- Egert V.P. fon.* Chrezvychaynaya sledstvennaya komissiya o prestupnykh deystviyakh nepriyatelya v voynu 1914 g. Pg., 1914.
- Davis G.* Deutsche Kriegsgefangene im Ersten Weltkrieg in Rußland // Militärgeschichtliche Mitteilungen (Freiburg). 1982. Bd. 31.
- Davis G.* The Life of Prisoners of War in Russia, 1914–1921 // Essays on World War I: Origins and Prisoners of War. New York, 1983. S. 163–197.
- Leidinger H., Moritz V.* Gefangen in Russland. Österreichische Kriegsgefangene in Russland 1914–1920. Viena, 2008.
- Nachtigal R.* Die Murmanbahn. Die Verkehrsanbindung eines kriegswichtigen Hafens und das Arbeitspotential der Kriegsgefangenen (1915 bis 1918). Grunbach, 2001.
- Nachtigal R.* Russland und seine österreichisch-ungarischen Kriegsgefangenen 1914–1918. Remshalden, 2003.
- Overmans R.* In der Hand des Feindes. Kriegsgefangenschaft von der Antike bis zum Zweiten Weltkrieg. Köln, 1999.
- Rachamimov A.* POWs and the Great War: Captivity on the Eastern Front. Oxford, 2002.
- Rossi M.* I prigionieri dello Zar: Soldati italiani dell'esercito austroungarico nei lager della Russia (1914–1918). Milano, 1997.
- Wurzer G.* Die Kriegsgefangenen der Mittelmächte in Rußland im Ersten Weltkrieg. Göttingen, 2005.
- Yanikdag Y.* Ottoman prisoners of war in Russia, 1914–22 // Journ. of contemporary history. 1999. Vol. 34, № 1.